

Она задумалась, затем отрезала небольшой кусок плоти прямо с руки Лин Юня. На лезвии ножа еще оставались следы крови. Она спросила:

— Ну как? Всего один кусочек плоти за убийство человека — разве это не выгодная сделка?

Лин Юнь прохрипел с ненавистью:

— Ты, мерзавка...

Цюй Вань ловко отсекла еще один кусок. Слушая стоны и проклятия Лин Юня, она проговорила:

— Я тоже считаю, что тогда была довольно жалкой. Скажи, если бы я не встретила тебя, а послушалась отца и вышла замуж за кроткого и воспитанного господина из знатной семьи, разве была бы я сейчас такой?

Она отрезала еще кусок. Лин Юнь продолжал выть и браниться, но на этот раз Цюй Вань нахмурилась. Она оторвала кусок ткани и грубо заткнула ему рот.

— Мне, конечно, нравится слушать твои крики, но если ты привлечешь кого-то еще, я не успею отомстить до конца.

Она полосовала его тело, отсчитывая удары. Когда тысяча ударов была нанесена, на Лин Юне не осталось живого места, и в конце Цюй Вань вонзила нож прямо в его сердце.

Водное зеркало постепенно превратилось в обычный Камень Записи Образов. Среди присутствующих воцарилась гробовая тишина. Хотя Цюй Вань пришла с повинной, никто не ожидал, что она окажется настолько жестокой, чтобы собственноручно, до последнего кусочка, искромсать своего возлюбленного.

Взгляды, которыми теперь смотрели на нее, изменились: вот это действительно беспощадный человек!

Наконец, заговорил Ци Яньгуан:

— Камень Записи Образов ученицы Цюй — это неопровержимое доказательство. Известны ли тебе правила секты?

Цюй Вань ответила:

— При вступлении в секту каждый ученик обязан изучить устав. Прошло всего несколько лет, я, конечно, ничего не забыла.

Ци Яньгуан продолжил:

— Раз так, позволь перед приведением приговора в исполнение задать тебе один вопрос.

Цюй Вань кивнула:

— Спрашивайте, старший брат.

Ци Яньгуан спросил:

— Я хочу узнать, раз ты уже отомстила, зачем пришла сдаваться сама?

Цюй Вань ответила:

— Помнишь, в записи я сказала: те, кто причастен к гибели моей семьи, мертвы, за исключением двоих? Так вот, второй человек — это я сама. Если бы не я, разве стали бы дворцовые служители колебаться и позволили Лин Юню убить их? Если бы трое служителей были живы, разве осмелились бы они тронуть мою семью? В конечном счете, все они погибли из-за меня, из-за того, что я выбрала не того мужчину. Они не могли поднять на меня руку, боясь причинить мне боль, а Лин Юнь не боялся. Разве он мог проявить милосердие?

Цюй Вань, которая до этого держалась весьма спокойно, разрыдалась, говоря о собственной вине.

— Моя семья погибла из-за меня, как я могу продолжать влачить жалкое существование? Я не могу поднять руку на себя, но верю, что секта сможет. Поэтому я пришла сдаться.

У Мэйэр, которая все это время наблюдала со стороны, произнесла:

— А-Вань, к чему это? Это ведь не только твоя вина! Ты тогда была слишком юна и не смогла разглядеть истинное лицо человека, как ты можешь брать всю вину на себя?

Цюй Вань ответила:

— Сестра У, не нужно меня уговаривать. Есть вещи, которые не спишешь на юный возраст. Смерть тысячи людей — моих рук дело. Я была никудышной принцессой и никудышной дочерью. Ошиблась — значит, ошиблась. Я признаю это. Лин Юнь мертв, я найду способ уйти вслед за ним — и моя месть будет завершена. Сестра У, не мешайте мне, позвольте уйти со спокойной душой.

Словно дожидаясь, пока они попрощаются, как только разговор затих, Ци Яньгуан взмахнул рукой:

— Уводите, привести приговор в исполнение!

Цюй Вань последовала за двумя учениками Зала Правосудия. Ее походка была твердой, шаг за шагом она шла навстречу концу своей жизни.

Ци Яньгуан остался стоять в отдалении. Когда фигуры Цюй Вань и двух учеников скрылись из виду, он скомандовал:

— Читать устав секты!

Ученики Зала Правосудия хором начали декламировать:

— Вступающий в Секту Меча должен держать меч так, чтобы ни живые, ни мертвые не могли преградить путь. Даже если муж доблестен, он обязан следовать правилам. Ныне есть устав, который каждый мой ученик обязан помнить:

Проживая жизнь, следует соблюдать каноны. Нарушивший их лишается совершенствования.

Небо разделяет свет и тьму, вещи — добро и зло. Сговорившиеся с демонами лишаются своих корней.

Тело имеет четыре конечности, семья — братьев. Убивший собрата — казнить без пощады.

Это железный закон, который не будет изменен во веки веков.

Есть и другие правила...

Вступив в секту, надлежит ежедневно взмахивать мечом десять тысяч раз, дабы укрепить мышцы и кости, а также...

В ушах звенел только голос учеников, читающих устав. Юэ Линчжи заворуженно смотрела в ту сторону, где только что исчезла Цюй Вань. Там, в том направлении, угасла живая, прекрасная жизнь.

Смерть Цюй Вань была подобна камешку, брошенному в спокойную воду: она не вызвала почти никаких кругов. Такие люди, как Юэ Линчжи, не знавшие ее близко, могли лишь вздохнуть про себя: не тому доверилась, несчастная судьба.

Это событие, казалось, сильнее повлияло на Линь Чучу и остальных. Всегда находились сплетники, посетившие казнь, которые разносили увиденное и услышанное дальше. Эти так называемые свидетельства из вторых рук после нескольких пересказов искажались до неузнаваемости. Когда спустя несколько дней девушки вышли наружу, они почувствовали на себе множество странных взглядов.

Но что значили для них эти взгляды? Кого из них не осуждали и не поносили в лицо раньше? Теперь, глядя на эти странные взгляды, они даже подумали, что люди в мире совершенствования стали на удивление мягкими.

В то время как Линь Чучу и остальные решили, что все осталось позади и их ждет мирное и счастливое будущее, в месте, скрытом от их глаз, ребенок медленно открыл глаза. Сначала он был ошеломлен, но, увидев свои маленькие ручки, он наполнил взгляд жестокостью и мраком, совсем не свойственными его возрасту.

Юэ Линчжи уже собрала сумку, а А-Юань оставила на попечение Сяо Тао. Она забронировала себе место в Земле Испытаний на предстоящий месяц, и сегодня был первый день. Она

подбодрила себя, но радостнее от этого не стало. Обняв Сяо Тао, она прошептала про себя: прощай, моя кровать, прощай, вкусная еда.

Подумать только, целый месяц придется питаться лишь пилюлями Исклучения Зерна и спать на полу — ну что за тоска!

Процедура входа в Землю Испытаний была такой же, как и в прошлый раз. Юэ Линчжи, глядя на длинную очередь, молча встала в самый конец.

Очередь двигалась уже некоторое время, продвинувшись на десяток человек, когда Юэ Линчжи внезапно услышала:

— Маленькая сестренка, маленькая сестренка.

Голос показался знакомым, но, поразмыслив, Юэ Линчжи поняла, что никто из ее знакомых не называет ее так, и не обернулась.

Вскоре она почувствовала, что кто-то приближается. Обернувшись, она увидела девушку-заклинательницу с мечом за спиной. Она была высокого роста и выделялась на фоне окружающих мужчин, словно журавль среди кур. Она была прекрасна: тонкие брови, глаза с поволокой, полные отваги, в них словно плясали огоньки — красота ее была столь агрессивной, что казалось, она может обжечь каждого, кто посмотрит на нее слишком долго.

Юэ Линчжи задумалась, где она могла встретить такую красавицу. Заклинатели обычно обладают хорошей памятью. Вспомнив что-то, она осторожно спросила:

— Не вы ли старшая сестра Се Фансюнь?

Се Фансюнь сложила руки в приветствии — жест был свободным и ловким.

— Верно, это я. Тогда я забыла спросить твое имя, а позже побоялась, что ты забудешь меня, поэтому и назвала тебя маленькой сестренкой. Сейчас это обращение уже не подходит.

Заклинатели всегда отличались цепкой памятью, многие помнили даже мелкие детали спустя годы, не говоря уже о людях, с которыми когда-то общались.

В словах Се Фансюнь чувствовалась колкость, но Юэ Линчжи лишь улыбнулась:

— Это моя вина. После вступления в секту я все хотела связаться с сестрой, но то у меня дела находились, то слышала, что сестра ушла охотиться на Зверей-демонов в окрестные леса. Так в суете прошло три года.

Се Фансюнь удивилась:

— Ты искала меня?

Юэ Линчжи ответила:

— Я просила Ли Яня, ученика Внешней секты, помочь мне.

Се Фансюнь тогда успокоилась:

— Ну тогда понятно. В первые месяцы после того, как ты пришла в секту, я ушла на окраину лесов. Ли Янь еще не ушел в затворничество, а когда я вернулась, услышала, что он уже закрылся для Закладки Основания. Вскоре и я закрылась для того же, вот мы и разминулись.

Юэ Линчжи вздохнула:

— Значит, у нас с тобой и правда не было судьбы встретиться.

Се Фансюнь рассмеялась:

— Какой еще судьбы? Разве мы не встретились сейчас?

Юэ Линчжи рассмеялась в ответ:

— Верно, верно! Тогда давай познакомимся заново? Моя фамилия Юэ, имя Линчжи, живу сейчас на пике Иньсяо во Внутренней секте.

Сказав это, она повторила жест Се Фансюнь, но в ее исполнении он выглядел более по-девичьи, без той небрежной свободы, что была у Се Фансюнь.

Се Фансюнь рассмеялась, глядя на нее:

— Моя фамилия Се, имя Фансюнь, живу на пике Байлин во Внутренней секте.

Как только ученик Внешней секты совершает Закладку Основания, он автоматически становится учеником Внутренней секты.

Юэ Линчжи сказала:

— Поздравляю с Закладкой Основания! Я давно мечтала побывать на пике Байлин. Говорят, если смотреть на него поперек — видишь сотню хребтов, если вдоль — тоже сотню, и они постоянно меняются в зависимости от света и тени. Когда выйду из Земли Испытаний, обязательно приду к тебе в гости.

Се Фансюнь усмехнулась:

— Да что там смотреть? Камни да скалы. Вот на пике Иньсяо, говорят, поют русалы — вот это редкость! В последние тысячи лет о русалах почти ничего не слышно, даже в океане их почти не осталось. Когда выйдешь из испытаний, обязательно своди меня, дай посмотреть!

Юэ Линчжи ответила:

— Да тоже смотреть особо не на что. Русалы похожи на людей, только красивее, нижняя часть тела у них — рыбий хвост, большую часть времени они проводят в воде. Не знаю, что с ними случилось. Я читала в книгах: десять тысяч лет назад один из предков нашей секты привез их сюда, и в знак благодарности они каждый день пели песни. Но теперь русалы больше не поют каждый день, а если и поют, то в основном это печальные песни.

Позади Юэ Линчжи старик, закованный в тяжелые цепи, мел землю большой метлой. Услышав ее слова, он сменил выражение лица с безразличного на полное раскаяния, а движения его рук стали медленными и неровными. Однако он привык держать голову опущенной, поэтому его перемены никто не заметил.

Се Фансюнь была разочарована и продолжила спрашивать:

— А как же жемчужины слез? Легендарные жемчужины русалов — это правда?

Юэ Линчжи ответила:

— Это правда, но для нас, совершенствующихся, какая от них польза?

Се Фансюнь расстроилась еще больше:

— Эх, ты только и делаешь, что разочаровываешь. Не будем об этом. Помнишь, я просила тебя присмотреть за делом моего племянника? Так вот, он оказался способным и тоже попал во Внутреннюю секту.

Юэ Линчжи вспомнила того юношу:

— Это тот, который так любит мечи?

Се Фансюнь подтвердила:

— Он самый! Вы одного возраста, оба во Внутренней секте, как-нибудь познакомлю вас, может, станете друг другу товарищами в странствиях?

Вспомнив холодный вид того парня, когда он торговал на рынке, Юэ Линчжи подумала, что им обоим будет неловко, и поспешила отказаться. Се Фансюнь, видя, что она действительно не хочет знакомиться, лишь разочарованно вздохнула: эх, с таким характером племяннику будет трудно завести друзей!

Они болтали еще о том о сем, пока впереди не осталось всего пять-шесть человек. Юэ Линчжи спохватилась и спросила:

— Сестра Се, ты только что вышла из Земли Испытаний?

Се Фансюнь ответила:

— Да, я провела там несколько дней, получила огромную пользу.

Увидев, что очередь подошла к концу, она заторопилась:

— Скоро твоя очередь, не буду больше отвлекать. Как выйдешь из испытаний, не забудь поискать меня.

Юэ Линчжи пообещала:

— Обязательно.

После ухода Се Фансюнь очередь быстро дошла до Юэ Линчжи. Старший ученик, ответственный за вход, проверил ее сумку и, убедившись, что все в порядке, пропустил ее.

Земля Испытаний была башней. Войдя внутрь, Юэ Линчжи сразу приступила к тренировке.

Она продолжала практиковать Сутру Очищения Костного Мозга и не собиралась менять ее до завершения Закладки Основания, но техника владения мечом сильно изменилась.

Она давно отбросила три вида мечей, которые практиковала в детстве: Искусство Меча Багровых Облаков, Искусство Меча Узорчатого Шёлка и Искусство Меча Возвращения в Прах. Вместо них она перешла на новую технику, разблокированную в Системе Шести Искусств — Девять Превращений Тяньсюань.

Девять Превращений Тяньсюань состояли из восьмидесяти одного уровня, в каждом из которых было по девять движений. Техника не ограничивалась строгими приемами, а требовала, чтобы меч двигался вслед за мыслью, а мысль — вслед за сердцем, меняясь в зависимости от окружения и противника. Она требовала высокого уровня просветления.

По расчетам Юэ Линчжи, это была техника, с которой можно было достичь Великого Предела. Система Шести Искусств пока разблокировала только первый уровень. Юэ Линчжи хорошо выучила его девять движений, но еще ни разу не применяла их в бою, поэтому не знала, каков будет результат.

Сосредоточившись, она стала ждать своего первого противника.

Им снова оказался Зверь-демон, но не простой Бородатый баран, а Медведь Раскалывающий Землю. Согласно Атласу Зверей-демонов, это был зверь стихии земли, ростом в девять чи, с огромным телом, твердой шкурой и способностью раскалывать землю. Победить его можно было только ловкостью.

Юэ Линчжи нанесла два удара, но не смогла даже поцарапать шкуру, лишь разозлила медведя,

который начал крушить все вокруг.

Юэ Линчжи перестала прощупывать почву. Она применила технику легкой поступи, идеально уклоняясь от каждой трещины в земле, и начала танцевать с мечом. Вторая, пятая, восьмая формы первого уровня Девять Превращений Тяньсюань сменяли друг друга. Поначалу движения были скованными, но вскоре, как и требовала техника, меч начал двигаться вслед за сердцем. После того как на теле медведя появилось несколько глубоких ран, Юэ Линчжи одним точным ударом пронзила его горло.

Побежденный зверь исчез, превратившись в тень. Юэ Линчжи была измотана. Она села на пол, приняла пилюлю и начала медитировать — до появления следующего противника оставалось пять минут.

Юэ Линчжи провела в Земле Испытаний целый месяц.

Каково это — находиться в месте, где никого нет, целый месяц? Она не знала, но знала, каково это — месяц подряд драться.

Это было похоже на месяц заточения после родов. Весь этот месяц она не могла нормально поесть (только пилюли) и нормально поспать (на полу), и даже искупаться было нельзя (только техника очищения). Она была просто в отчаянии.

Первым делом после возвращения домой Юэ Линчжи устроила себе ванну. Только после этого она почувствовала, что снова ожива.

Она отправила сообщение Сюэ Минсюэ и остальным, сообщив о своем возвращении, затем разобралась с отчетными книгами, которые принес Мао-эр, и отправилась навестить Хэ Яо.

Хэ Яо все еще жила у Хэ Яо. Когда Юэ Линчжи пришла, они как раз обедали. Увидев ее, они тут же распорядились принести лишний прибор.

Еда была приготовлена из ингредиентов, насыщенных духовной энергией, поэтому Юэ Линчжи ела без опаски. Умяв порцию, она погладила живот и вздохнула:

— Наконец-то я снова среди живых.

Хэ Яо посмеялась над ней:

— Посмотри на себя, на кого ты похожа? Неужели за несколько дней испытаний ты так настрадалась?

Юэ Линчжи пожаловалась:

— Матушка, вы не представляете, я целый месяц питалась только пилюлями! От этого вкуса

меня уже воротит, я видеть их не могу. Я так мечтала о нормальной еде!

Ее дед, Хэ Сюнь, с пренебрежением посмотрел на нее и бросил два слова:

— И что с того?

Бабушка Яо Юйлин поддакнула:

— В наше время многие каждый день голодали. У тебя есть пилюли, с чего ты еще недовольна?

Хэ Яо тоже поддержала:

— Мама, вы говорите о том голодном годе? Я была маленькой, но помню, как вы с отцом не пускали нас с братом на улицу, говоря, что там нас могут схватить и съесть. В доме было полно людей. Я хотела выбежать поиграть, но едва выскочила, как увидела, что люди меняются детьми. Я тогда ничего не понимала, спасибо брату, он изо всех сил тащил меня обратно. Хорошо, что мы не убежали далеко. Сейчас вспоминаю — как же мы были глупы.

Яо Юйлин сказала:

— Значит, ты все-таки помнишь? Ты тогда несколько дней температурила, а потом молчала, мы думали, ты забыла. Твой брат тогда еще получил от этого старика за то, что не уследил за тобой.

Хэ Сюнь зыркнул на Яо Юйлин:

— Говоришь так, будто я тиран. Разве сильно больно бить метелкой? Ты тогда сама подавала мне бамбуковую дощечку, почему об этом молчишь?

Услышав это, Яо Юйлин взорвалась:

— Кто тебе подавал? Всякие обвинения должны быть доказаны! Где доказательства? Покажи их! Как я могла не жалеть собственного сына? Нести дощечку... кто в это поверит? А-Яо, скажи, похожа я на такую?

Хэ Яо, видя, как родители уставились на нее, слегка улыбнулась и быстро перевела стрелки на Юэ Линчжи:

— Как думаешь, кто прав: бабушка или дедушка?

Юэ Линчжи скривилась: неужели это точно ее родная мать? Видя, что все трое ждут ответа, она с легкостью перевела удар:

— Вообще-то, есть еще один свидетель! Вот как дядя выйдет из затворничества, спросим у него, и все узнаем!

Проверка пройдена: мать и дочь — точно родные.

Как только речь зашла о Хэ Яо, старики тут же сменили тему. Один спросил:

— Еще не вышел?

Другой добавил:

— Интересно, скучает ли он по дому в затворничестве?

Юэ Линчжи ответила на вопросы, а пока старики продолжали есть, потянула Хэ Яо за рукав и тихо спросила:

— Мама, почему вы говорили, что люди менялись детьми? Зачем?

Хэ Яо посмотрела на стариков и прошептала ей на ухо четыре слова:

— Обменивались детьми для еды.

Юэ Линчжи мгновенно все поняла. Она расширила глаза:

— В мире правда есть такое?

Хэ Яо явно не хотела продолжать:

— Ты еще мала, многого в этом мире не видела.

До самого ухода Юэ Линчжи была рассеянна. Хэ Яо не стала ее расспрашивать — рано или поздно она все поймет сама. Разве она сама в детстве не была так напугана, что слегла с лихорадкой? Но ведь выросла и стала сильной.

<http://bllate.org/book/20358/2035320>